

ЛИНГВОПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ: К ПРОБЛЕМЕ ОСКОРБЛЕНИЯ ЯЗЫКА

Достаточно длительное время в функционировании коммуникативного пространства Беларуси очевидно просматривалась тенденция к снижению объема использования национального языка с поступательно возрастающей ролью русского языка. Такая ситуация не является экстраординарным явлением для стран с несколькими государственными языками. Кроме того, имеющееся законодательство обеспечивало гражданское согласие в области языковой политики. Однако в последние несколько лет в национальном коммуникативном пространстве стали происходить определенные изменения, осмысление которых представляется нам одной из важнейших задач для белорусской лингвистики, ибо просчеты в языковом планировании могут иметь самые серьезные последствия для всей государственной системы (тезис о наличии подобной взаимосвязи обоснованно доказан в трудах А. Д. Дуличенко, С. Т. Золяна, У. М. Бахтикиреевой).

Отсутствие паритета в институциональном и социально-групповом использовании государственных языков в Беларуси нашло отражение в статистических данных, полученных во время республиканских переписей населения: так, если в 1999 г. 85 % этнических белорусов считали родным белорусский язык, то в 2009 г. эта цифра составляла только 60,8 %. Экспертное сообщество считало, что объективных причин к изменению обозначенной тенденции нет, однако последние результаты переписи (2019 г.), представленные во второй половине 2020 г., показали, что это было ошибочным мнением: 61,2 % белорусов ответили, что родным для них является национальный язык. С одной стороны, такое положение дел следует признать позитивным проявлением в развитии языкового пространства страны, ибо оно связано с определенным генезисом национального само-

сознания и этнической самоидентификацией, что само по себе нельзя воспринимать негативно. С другой, эти процессы должны быть увязаны с концепцией национальной идеологии. Ее отсутствие или несоответствие общественным запросам может привести к проявлению крайней формы радикализма – национализму.

Полагаем возможным частично не согласиться с представленным мнением, однако полностью игнорировать его – значит, проявить беспечность ко всей системе общественных отношений, тем более, что последние годы ознаменованы появлением такого негативного прецедентного явления в организации национального коммуникативного пространства, как *оскорбление языка*.

В 2016 г. был зафиксирован первый случай оскорбления языка в истории Беларуси XXI в. (в прошедшем столетии последний такой случай был зафиксирован в 1993 г.). С юридической точки зрения обсуждаемый вид правонарушения рассматривается в рамках ст. 9.22 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Нарушения законодательства о языках». В самой статье нет формулировки, что подразумевает под собой понятие оскорбления языка. Логичным в данном случае представляется обращение к имеющейся правоприменительной практике, где оскорбление рассматривается по отношению к человеку как «умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме» (ст. 9.3. КоАП). С позиции современной лингвистической экспертологии маркерами вербального оскорбления являются три п а р а м е т р а :

- 1) умышленность;
- 2) атрибутированность;
- 3) ненормативность.

Объективное установление наличия признаков первого из указанных параметров в настоящее время представляется невозможным из-за отсутствия верифицированных методик экспертного исследования. Поэтому в практике лингвоправового изучения текстового материала данный параметр заменяется понятием *фактологичности*, то есть выявлению прагматической функции высказывания.

Атрибутированность речевого акта выражается в использовании лексических единиц, семантика которых корректирует «образ лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего» (по М.А. Осадчому).

Установление параметра *ненормативности* также методологически вариативно. Чаще всего исследователи исходят из понимания ненормативности слова как его особой стилистической маркированности. Иными словами, наличие в лексикографических источниках помет ‘бран.’, ‘руг.’, ‘фам.’, ‘сниж.’ и др., позволяет эксперту заключить о нормативности или ненормативности лексемы.

Представленный краткий обзор построения экспертной процедуры установления признаков оскорбления, однако, не коррелирует с практикой

судебного производства по делам, касающимся оскорбления языка. Так, в 2016 г. в одной из социальных сетей фан-группа футбольного клуба «Славия» (г. Мозырь) разместила фотографию нового рекламного бигборда команды с белорусскоязычным слоганом «Разам ствараем гісторыю нашага горада!». Среди множества комментариев выделялся один, следующего содержания: *Почему, почему блин, даже хорошее дело – и все равно через ж*** сделали? Зачем тут вср*** белорусский язык?* После обращения одного из посетителей Интернет-сайта в местные исполком и прокуратуру, последняя приняла решение возбудить дело об административном правонарушении. Обвиняемый полностью признал свою вину.

Не ставя перед собой цель усомниться в правильности принятого судебного решения, рассмотрим данный случай на примере обозначенной выше параметрической модели. Очевидно, что экспертный интерес будет сосредоточен на высказывании *Зачем тут вср*** белорусский язык?*, которое с позиции логико-лингвистического анализа является риторическим вопросом, то есть имеет фактологическую основу. Однако речевой акт не имеет признаков атрибутированности: ни одна лексическая единица не дает негативной характеристики белорусскому языку. Данный вывод позволяет далее не обращаться к изучению параметра ненормативности.

В 2019 г. к юридической ответственности была привлечена девушка за публикацию следующего поста в другой социальной сети: *Я знаю 4 ([языка] – прим. А. Л.), кроме языков программирования. Естественно уродский беляз и не рассматривала для изучения. Намеренно. Свой быдлоязык сами учите.* Дело об административном правонарушении получило определенный резонанс. В том числе, была предпринята попытка защитить обвиняемую посредством создания электронной петиции, которую по данным СМИ поддержали только 45 человек. В отличие от первого примера, данные речевые высказывания соответствуют не только параметру фактологичности, но и атрибутированности (лексемы ‘уродский’, ‘быдло’ умаляют белорусский язык: в толковых словарях первое слово определяется как имеющий ярко выраженные недостатки, второе – тупой, безвольный, покорный насилию, низкой духовной культуры). Ненормативность высказывания реализуется только посредством лексемы ‘быдло’, так как она зафиксирована в лексикографических изданиях со стилистическими пометами ‘бран.’ (Толковый словарь Ушакова), ‘прост. презр.’ (Толковый словарь Ожегова). Таким образом, представленный пример с точки зрения лингвистической экспертологии имеет все признаки вербального оскорбления.

В белорусской судебной практике как оскорбление языка был квалифицирован комментарий, размещенный жительницей города Речица на сайте местного информационного издания: *Белорусский язык неприятен на слух. Да и вообще, белор. язык – это нелепое ассорти из русского и польского.* Как и в первом примере, экспертное исследование текста позволяет выявить лишь признаки фактологичности текста. В нем отсутствуют лексические единицы, явно статусно понижающие значимость белорусского языка. Глу-

бокий семантический анализ, возможно, позволит сделать вывод о контекстуально обусловленной негативной характеристике белорусского языка, заключенной в словосочетании *нелепое ассорти*, однако данную фразу можно идентифицировать и как стилистический троп – категорию, которая не была отдельно осмыслена юрислингвистикой. Кроме того, очевидно, что параметр ненормативность здесь также не выполняется.

Интересным представляется нам также пример поста в социальной сети, сделанный бывшим сотрудникам органов внутренних дел: *«Белорусский язык – это разлагающий и загнивающий труп, который уже давно порабы закопать поглубже!»* (орфография и пунктуация сохранены – прим. А. Л.). Данный текст подвергся процедуре экспертного лингвистического изучения, выводы которой подтвердили фактологичность высказывания, а также наличие в его содержании признаков атрибутированности (вопрос о неприличности формы речевого высказывания перед экспертом не ставился). В целом, можно согласиться с заключением специалиста с оговоркой, касающейся оценки использованных стилистических фигур.

Подытоживая вышесказанное, следует акцентировать внимание на нескольких а с п е к т а х :

1. Оскорбление языка как феномен изменений коммуникативного пространства Беларуси пока коснулся только одного государственного языка – белорусского.

2. Очевидно просматривается серьезная разница в понимании оскорбления личности и оскорбления языка. Последние с позиции правоприменительной практики не обязательно должно быть выражено с использованием обценной лексики, а параметр атрибутированности текста может быть имплицитным, который, в том числе, невозможно установить методами экспертного исследования.

3. Приведенные примеры свидетельствуют об особом статусе феномена языка как сверхкатегории, стоящей над категорией личности.